

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия
Богословские исследования

Полканов И.

**ЖИЗНЬ СВ. МАКРИНЫ
ИЛИ ЗНАЧЕНИЕ
ЖЕНЩИНЫ В ДЕЛЕ
ВОСПИТАНИЯ**

Странник, 1875, № 11, ч. I, с. 77-107

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ЖИЗНЬ СВ. МАКРИНЫ, ИЛИ ЗНАЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ДѢЛѢ ВОСПИТАНІЯ.

Въ ряду всѣхъ женъ, извѣстныхъ въ исторіи, пресвятая Дѣва Марія, Матерь Господа нашего Иисуса Христа, должна служить, безъ сомнѣнія, первообразомъ истинной женской красоты, и первообразомъ, прибавимъ къ этому, недостижимымъ. Никакая кисть не въ состояніи изобразить всего Ея величія; жизнь ни одной женщины не можетъ служить полнымъ подражаніемъ Ея жизни.

Конечно, исторія пресвятой Дѣвы Маріи, какъ она изложена въ Евангеліи, очень коротка. Едва ли есть жизнеописаніе болѣе короткое. Но въ самой этой краткости—какая вмѣстѣ съ тѣмъ полнота! Какое неисчерпаемое богатство всего, что только запечатлѣно или божественнымъ величіемъ, или чисто человѣческою красотою, находимъ мы въ одно и тоже время въ этой Личности! Въ Ней, поистинѣ, тотъ неизсякаемый источникъ, изъ котораго христіанскія женщины черпали и будутъ еще цѣлыя тысячелѣтія черпать все великое и святое для своей жизни. Въ ней неразрывно соединились, повидимому, самыя несоединимыя качества: величіе и смиреніе, богатство и бѣдность, дѣвство и материнство.

Но хотя пресвятая Дѣва Марія и была и пребудетъ для всѣхъ другихъ женщинъ никогда вполнѣ недостижимымъ образцомъ всего великаго и прекраснаго въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе въ ряду христіан-

скихъ женъ и дѣвъ всѣхъ вѣковъ немало было и такихъ, которыя, имѣя всегда предъ глазами этотъ образецъ, старались болѣе или менѣе приближаться къ нему. Первенство въ этомъ отношеніи, безспорно, принадлежитъ каппадокійской дѣвѣ Макринѣ. По чисто женской мягкости и нѣжности и вмѣстѣ силѣ своей чистой души, она настолько превосходитъ всѣхъ другихъ женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько глубоко проникала въ духъ христіанства и такъ высоко понимала задачи христіанской жизни, что мы находимъ въ высшей степени полезнымъ воспроизвести ея образъ и для нашего времени, чтобы тѣмъ самымъ сколько-нибудь содѣйствовать возвышенію христіанскаго духа въ современныхъ намъ женщинахъ, наглядно показывая имъ, къ чему Господь призвалъ ихъ въ этомъ мірѣ, и до какой степени красоты онѣ могутъ возвыситься, выполняя свое призваніе.

Макрина родилась въ началѣ 4 столѣтія, въ Каппадокійской Кесаріи, городѣ малой Азіи, и происходила изъ такого рода, который уже издавна славился благородствомъ ума и силою характера. Преданность вѣрѣ Христовой въ этомъ родѣ была настолько велика, что нѣкоторые изъ предковъ Макрины сдѣлались исповѣдниками и даже мучениками за Христа. Такъ въ жестокое гоненіе на христіанъ римскаго императора Діоклитіана, родители отца Макрины, за преданность свою вѣрѣ Христовой, лишились всего своего имѣнія, которое, по повелѣнію императора, было отобрано въ казну, и, принужденные скрываться отъ гонителей въ непроходимыхъ лѣсахъ, семь лѣтъ жили тамъ подъ открытымъ небомъ, вдали отъ общества, родныхъ и знакомыхъ, среди всевозможныхъ лишеній и скорбей. Въ гоненіе другого римскаго императора Максимиана, дѣдъ Макрины по матери лишенъ былъ не только имѣнія, но даже и жизни за имя Христово.

Часто приходится слышать, что въ извѣстныхъ фамиліяхъ или семействахъ умъ и разные таланты переходятъ по на-

слѣдству; про благочестіе можно оказать тоже самое. По крайней мѣрѣ, въ томъ родѣ, къ которому принадлежала Макрина, нравственныя доблести, хотя проявлялись и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ, тѣмъ не менѣе ни въ одномъ изъ членовъ этого рода не прерывались. Родители Макрины также продолжали идти по тому пути, по которому шли и ихъ предки. Мать ея, по имени Эммелія, была, при своемъ глубокомъ благочестіи, женщина рѣдкой красоты. Она лишилась родителей своихъ еще въ раннемъ возрастѣ, и вскорѣ послѣ ихъ смерти увидѣла себя окруженной толпой искателей ея руки. Она не колебалась и выбрала достойнѣйшаго изъ нихъ, и именно того, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свое благочестіе. Избранный ею молодой человекъ — Василій былъ адвокатъ и слылъ за человека очень зажиточнаго, такъ какъ у родителей его были значительныя помѣстья въ нѣсколькихъ областяхъ малой Азіи. Господь благословилъ супружескій союзъ Василія и Эммеліи дѣтьми, и все ихъ вниманіе и заботы съ этого времени устремились только на то, чтобы воспитать своихъ дѣтей въ духъ христіанскаго благочестія и приготовить изъ нихъ добрыхъ и полезныхъ членовъ общества. Всѣхъ дѣтей у нихъ было девять, — четыре сына и пять дочерей. Между ними особенно выдавались трое: Макрина, Василій и Григорій.

Макрина получила свое имя въ честь своей бабушки по матери. Эта бабушка, судя по отзыву, какой сдѣлалъ о ней братъ Макрины Василій великій, была женщиной необыкновенною. «Никогда не забуду я», такъ признавался св. Василій великій въ позднѣйшіе годы, — «никогда не забуду въ своей жизни того впечатлѣнія, какое производили на мою юношескую душу слова и примѣръ этой женщины». На глазахъ и попеченіи этой бабушки Макрина и провела первые годы своей жизни. При этомъ уже само собою понятно, что не одно только имя перешло къ ней отъ бабушки. Вмѣстѣ съ именемъ въ ней воплотилось и все то духовное богатство,

которымъ такъ щедро была одарена ея бабушка: это—глубокое отвращеніе ко всему низкому, благородство и самая высокая женская мягкость и нѣжность во всѣхъ проявленіяхъ, и наконецъ непреклонность воли. Надѣленная богатыми способностями отъ природы и окруженная хорошими примѣрами, Макрина дѣлала быстрые успѣхи во всемъ, чему ее учили и въ чемъ наставляли. Благодаря своему ясному уму, она такъ глубоко проникала въ тайны царства Божія, что не только не уступала самымъ способнѣйшимъ и трудолюбивѣйшимъ изъ мужчинъ въ дѣлѣ познанія христіанскихъ истинъ, но даже далеко превосходила ихъ во всемъ, гдѣ дѣло шло о цѣлостномъ и стройномъ примѣненіи этихъ истинъ къ дѣйствительной повседневной жизни. Въ этомъ отношеніи она служила могучимъ примѣромъ для всѣхъ, не исключая даже Василия великаго, ея брата. Мы ясно видимъ здѣсь на примѣрѣ Макрины, какое благотворное значеніе для развитія дѣтей имѣетъ хорошій складъ семейной жизни, хорошій примѣръ родителей. Не даромъ же мы такъ часто слышимъ и поговорку: «каковы родители, таковы и дѣти». О родителяхъ Макрины мы уже знаемъ, что они хотя и жили въ этомъ грѣховномъ мірѣ, но не прилѣплялись къ нему своей душою, не дѣлались его друзьями,—напротивъ, помня свое высокое званіе христіанское, старались и въ словахъ и въ дѣлахъ быть достойными этого званія. Такимъ же чистымъ небеснымъ духомъ, по примѣру родителей, проникнуты были и ихъ дѣти, и всѣ члены ихъ дома: стараясь постоянно, во всѣхъ путяхъ своей жизни, быть достойными своей святой вѣры, они, поистинѣ, составляли изъ себя то *святое* или *священное племя*, къ которому принадлежать есть долгъ каждаго христіанина.

Макринѣ минуло наконецъ 12 лѣтъ, т. е., наступилъ тотъ возрастъ, когда на востокѣ, гдѣ и природа и чловѣкъ развиваются быстрѣе, чѣмъ у насъ, все существо женщины готово уже бываетъ, подобно почкѣ, развер-

нуться и превратиться въ пышный и благоухающій цвѣтокъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ часто матери ожидаютъ наступленія этой поры въ жизни своихъ дочерей! Сколько заботъ при этомъ употребляется ими на то, чтобы распускающемуся цвѣтку придать возможно больше наружнаго блеска и красоты! Но не то мы видимъ въ матери Макрины. Благодаря своему разумному взгляду на воспитаніе, она старается не ускорять какъ-нибудь распусканіе своего цвѣтка, а напротивъ какъ можно дольше придержать его въ неразвернутомъ состояніи,—старается не о томъ, чтобы дочь ея какъ можно скорѣе и ярче заблестала внѣшнею красотою, а о томъ, чтобы духъ ея возможно больше былъ украшенъ разными добродѣтелями и знаніями, чтобы умъ и сердце ея были должнымъ образомъ просвѣщены.

Но что же это было за просвѣщеніе, которое Эммелія хотѣла сообщить своей дочери? Прежде всего юная душа Макрины не должна была погружаться въ современную ей поэзію, или читать стихотворныя произведенія того времени, гдѣ, вмѣсто добродѣтели и великихъ дѣлъ Божіихъ, часто воспѣвались пороки и похождения языческихъ боговъ. Не одобряла также Эммелія для своей дочери и чтенія бывшихъ тогда въ модѣ различныхъ комедій, или такихъ сочиненій, въ которыхъ представлены какія-нибудь забавныя и смѣшныя происшествія, въ родѣ напимѣръ тѣхъ, какія показываются у насъ народу въ нѣкоторыхъ балаганахъ на святой и масляницѣ: въ этихъ сочиненіяхъ, думала она, шутки часто такъ пошлы, и забавы такъ низки, что знакомить съ ними дѣвицу, значило бы только осквернять ея чистую душу и поселять въ ея чувствѣ и сердцѣ расположеніе не къ высокому, а къ низкому. Не менѣе опаснымъ для юной души казалось ей и чтеніе весьма многочисленныхъ въ то время трагедій, т. е., такихъ произведеній, въ которыхъ изображается всегда болѣе или менѣе печальная борьба человѣка съ

какою-нибудь враждебною силою: сочиненія такого рода по большей части знакомятъ только съ различными преступленіями, злодѣяніями и вообще съ нравственною бездною, заглядывать въ которую ниодна юная душа, а тѣмъ болѣе нѣжная дѣвичья душа, не можетъ безнаказанно. вмѣсто всего этого мать—учительница Макрины старалась какъ можно заблаговременнѣе познакомить свою дочь съ тѣми сокровищами знанія и мудрости, какія заключаются въ св. Писаніи, и съ этою цѣлію сама, принявшись читать и объяснять ей книги св. писателей, мало по малу раскрывала предъ нею тайны вѣры и любви. Псалмы Давида, притчи Соломоновы напечатлѣлись какъ въ памяти, такъ и въ сердцѣ Макрины. Мать при этомъ не только учила, но также и училась вмѣстѣ съ дочерью. Это было ученіе безъ принужденія и скуки, ученіе всему святому и спасительному для освященія и спасенія. Чему учились, то не сходило съ устъ, глубоко западало въ душу и становилось вмѣстѣ съ тѣмъ правиломъ для жизни и дѣятельности. Нерѣдко послѣ такого ученія можно было слышать, какъ утромъ, или вечеромъ, или даже среди тихой ночи, подъ яснымъ канпадокійскимъ небомъ, раздавались въ воздухѣ стройныя звуки человѣческихъ голосовъ, а съ ними вмѣстѣ священные слова боговдохновенныхъ пѣсней Давида.

Получивши такое образованіе, пріобрѣвши при этомъ должную опытность въ домоводствѣ и, въ частности, въ женскихъ руководствѣяхъ, окрѣпши мало по малу и духомъ и тѣломъ, Макрина сдѣлалась наконецъ взрослой и совершеннолѣтней дѣвицей. Это была золотая пора въ ея жизни, когда совершенно налившаяся почка распускалась въ цвѣтокъ. И какой благоухающій былъ этотъ цвѣтокъ! Прекрасная и тѣломъ и особенно душой, Макрина казалась для людей, знавшихъ и видѣвшихъ ее, какимъ-го чудомъ Божиимъ, на которое нельзя было вдоволь насмотрѣться. Понятно, что чѣмъ прекраснѣе и достойнѣе была Макри-

на, тѣмъ большее число искателей ея руки должно было явиться. Отецъ ея, будучи человѣкомъ въ высшей степени проникательнымъ, выбралъ ей въ спутники жизни юношу, извѣстнаго всѣмъ сколько по благородному своему происхожденію, столько же и по своему благочестію. Онъ давно уже пріобрѣлъ себѣ имя защитника и покровителя всѣхъ несправедливо притѣсняемыхъ и обижаемыхъ, и всякій, кому только приходилось видѣть этого молодаго человѣка, возлагалъ на него большія надежды.

Макрина уже открылась ему въ своей любви, которая, въ виду высокихъ достоинствъ любимаго ею лица, полна была самага глубокаго содержанія, и вовсе не походила на любовь по образу этого міра. И при всемъ томъ едва ли можно встрѣтить бракъ, который былъ бы непродолжительнѣе этого брака. Макрина сдѣлалась вдовою, не сдѣлавшись женою: любимый ею человѣкъ внезапно умеръ. Земное счастье было такимъ образомъ погребено; но такъ какъ не изъ этой надежды проистекала ея любовь, и въ ней она почерпала свою силу и свой огонь, то, и по исчезновеніи земной надежды, любовь Макрины не только не ослабѣла, но сдѣлалась еще чище, еще возвышеннѣе.

Здѣсь въ первый разъ обнаруживается предъ нами нравственное геройство Макрины, высокое благородство и истинно-христіанское влеченіе ея духа. Но повременимъ пока высказывать наше удивленіе предъ этою высокою личностію, и будемъ рассказывать дальнѣйшія событія изъ ея жизни.

Послѣ того какъ прошло нѣкоторое время послѣ понесенной Макриною утраты, ее начали вновь окружать многочисленные поклонники ея несравненныхъ достоинствъ, — начали являться новые искатели ея руки. Всѣмъ имъ казалось, что горе и печаль, постигшія Макрину, должны были уже ослабѣть, или даже совсѣмъ сгладиться отъ дѣйствія времени и обстоятельствъ. Они судили такъ, какъ обыкновенно судить міръ въ подобныхъ случаяхъ. Конеч-

но, печаль о понесенной ею утратѣ прошла, но память о томъ, кого она потеряла, навсегда срослась съ ея душою. Вотъ почему Макрина, не смотря на то, что между новыми искателями ея руки были юноши вполне благородные, знатные и всѣми уважаемые, не смотря ни на увѣщанія родителей, ни на совѣты своихъ друзей, объявила твердо, ясно и рѣшительно: «я никогда не выйду замужъ».

Выказывая такую рѣшимость, Макрина дѣлала это не по какому-либо упрямству, или ожесточенію сердца, пораженнаго горемъ. Нѣтъ! Она дѣлала это по самымъ высокимъ и честнымъ побужденіямъ, по самымъ разумнымъ основаніямъ. Вотъ какъ она разсуждала при этомъ. «Коль скоро сдѣланъ былъ выборъ со стороны отца и дано слово съ моей стороны, то этимъ самымъ я уже вступила въ бракъ и связала себя навсегда. Ибо что такое бракъ самъ по себѣ? Состоитъ ли онъ въ чисто внѣшнемъ, плотскомъ союзѣ двухъ лицъ, или же гораздо скорѣе—во внутреннемъ, духовно-нравственномъ ихъ единеніи, въ стройномъ согласіи ихъ душъ? Если послѣднее несомнѣнно, то неужели я должна вновь вступить въ бракъ только потому, что избранный мною, въ первый разъ, успѣлъ умереть? Нѣтъ! Человѣкъ какъ рождается одинъ только разъ, такъ и вступить въ бракъ долженъ только одинъ разъ! И это тѣмъ болѣе должно быть такъ, что и тотъ, кого я разъ избрала, не умеръ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ и всякій, кто отходитъ изъ этого міра съ надеждою воскресенія, продолжаетъ еще жить. Имѣю ли же я теперь какое либо право выходить замужъ за другаго, когда мой мужъ—первый женихъ еще живъ? Не грѣхъ ли это былъ бы, если бы во время отсутствія жениха нарушить свою вѣрность ему?»

Такія-то чистыя, какъ кристалль, драгоценныя, какъ жемчугъ, мысли и слова наполняли душу Макрины послѣ смерти ея жениха! Слушая такія высокія рѣчи, иной человѣкъ, незнающій другихъ заботъ, кромѣ заботъ о земномъ, можетъ подумать, что такъ думать и говорить мо-

жно только на небѣ. А между тѣмъ та школа, изъ которой Макрина вынесла свои высокія правила, открыта и теперь для всѣхъ: пусть только каждая женщина проникнется добрымъ желаніемъ научиться всему хорошему и дѣлать все достойное человѣка, — пусть за тѣмъ почаще обращается, по примѣру Макрины, къ святому слову Божию, гдѣ представлены образцы всего великаго и прекраснаго, — пусть далѣе повнимательнѣе прислушивается къ спасительному ученію Церкви, къ наставленіямъ своимъ пастырей, родителей и учителей, — пусть наконецъ поставитъ себѣ въ неизмѣнное правило* подражать всѣмъ хорошимъ примѣрамъ, которые видитъ вокругъ себя, и избѣгать всего другаго, что есть въ насъ, или вокругъ насъ, — и тогда, можно быть увѣреннымъ въ этомъ, благородный духъ каппадокійской дѣвы низойдетъ въ души и нашихъ дѣвъ и женщинъ, и произведетъ въ нихъ, а чрезъ нихъ и во всемъ обществѣ, такое же живительное дѣйствіе, какое благорастворенный весенній воздухъ производитъ на тѣло выздоравливающихъ. — Но обратимся къ нашему разсказу.

Макрина продолжала жить у своей матери и была для нея, какъ говорится, правой рукою. Раздѣляя съ нею всѣ заботы и труды ея по хозяйству, она подавала всему дому примѣръ дѣятельности, распорядительности и разумной бережливости. Въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій время, Макрина занималась воспитаніемъ своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ, для которыхъ сдѣлалась какбы второю матерью. Она няньчила ихъ въ дѣтствѣ, учила читать, когда они подростали, и затѣмъ, до самаго зрѣлаго возраста ихъ, вела дальнѣйшее ихъ умственное и нравственное образованіе. Особенно много обязанъ ей въ этомъ отношеніи самый младшій ея братъ, Петръ, который, лишившись одновременно съ своимъ рожденіемъ отца, остался всецѣло на попеченіи своей сестры. Чтобы преградить доступъ въ дѣтскую душу какому-либо суетнымъ на-

клонностямъ, Макрина старалась еще съ младенчества упражнять его въ богомыслии и добродѣтели, и затѣмъ своею вѣжною заботливостію, своимъ неусыпнымъ бодрствованіемъ надъ мальчикомъ, успѣла такъ высоко образовать его умъ и сердце, что онъ еще въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ почувствовалъ уже влеченіе къ подвижнической жизни, и наконецъ, руководясь примѣромъ и разсужденіями своей сестры, достигъ такой высоты добродѣтели, что въ послѣдствіи удостоенъ былъ званія епископа.

Не смотря однакожь на такую многостороннюю внѣшнюю дѣятельность свою, Макрина съ каждымъ днемъ становилась болѣе и болѣе молчаливой и сосредоточенной, какъ будто стараясь во внутреннемъ своемъ мірѣ найти вознагражденіе того, что она потеряла во внѣшнемъ мірѣ.

Около этого времени умеръ отецъ ея. Этотъ новый тяжелый ударъ еще болѣе долженъ былъ ослабить и безъ того уже слабыя узы ея съ внѣшнимъ міромъ. Макрина стала глубже и глубже входить въ духъ ученія Христова, и наконецъ могла воскликнуть съ апостоломъ Павломъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14).

Въ такомъ состояніи духа нашелъ ее Василій, старшій братъ ея. Согласно обычаямъ грековъ, Василій, какъ старшій сынъ, получилъ преимущественное предъ другими своими братьями образованіе. Не довольствуясь отечественными школами, онъ долгое время посѣщалъ высшія школы въ Константинополѣ и Аѳинахъ. Богато одаренный отъ природы, съ сильною волею, онъ со всѣмъ юношескимъ жаромъ отдался наукѣ. Возвращаясь въ отечество, онъ былъ уже покрытъ славою: его имя ставилось на ряду съ первыми знаменитостями того времени. Съ ненадломленными юношескими силами, онъ держалъ свою голову прямо и бодро. Юношеское легкомысліе и тѣ грѣхи, которые изъ него проистекаютъ, были совершенно ему чужды; но, вмѣсто этого, сознаніе своихъ силъ и своей учености развило въ немъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ слѣ-

довало бы для христіанина, чувство собственнаго достоинства. Возвратившійся юноша стоялъ предъ сестрою какъ олимпійскій боець, съ головою, увѣнчанною лаврами учености и краснорѣчія. Его глаза блистали тѣмъ честолюбіемъ, которое отъ міра сего. Это не ускользнуло отъ вниманія Макрины. Разсуждая съ нимъ въ духъ Христова ученія, она стала порицать гордость его своею земною мудростію, стала доказывать ему, что послѣднія, подобно всему земному, суетна и такъ-же скоропреходяща, какъ цвѣтокъ полевой, который сегодня цвѣтетъ и благоухаетъ, а завтра увядаетъ и отпадаетъ; и Макрина своею глубоко водушевленною рѣчью, возвышавшеюся до степени истиннаго краснорѣчія, успѣла возвратить брата на правый путь. Василій, подъ вліяніемъ ея рѣчей, смирился, сдѣлался безмолвнымъ и сталъ вести уединенную, отшельническую жизнь, чтобы такимъ образомъ, по примѣру пустынниковъ, посредствомъ молитвы и строгаго воздержанія, очиститься и укрѣпиться въ святыхъ помыслахъ и намѣреніяхъ. Извѣстно, что впослѣдствіи времени онъ сдѣланъ былъ за свои высокія качества и подвиги епископомъ, и въ этомъ званіи достигъ такого высокаго значенія и славы, что заслужилъ отъ современниковъ наименованіе *великаго свѣтила вселенной*, а исторія и до сихъ поръ съ благоговѣніемъ выставляетъ его имя на своихъ страницахъ.

Такимъ-то образомъ еще разъ сказалось необыкновенное величіе и сила характера Макрины. Но наступаетъ минута, когда она должна выступить передъ нами въ полномъ смыслѣ слова героинею, великою дочерью великой своей матери. — Мы имѣемъ въ виду смерть Навкратія, втораго между братьями Макрины. Тотъ, высокоодаренный отъ природы, юноша пошелъ по дорогѣ своего отца и сдѣлался адвокатомъ. Имѣя только 22 года отъ роду, онъ пріобрѣлъ уже себѣ извѣстность. Но постоянно одиѣ и тѣже мірскія дразги и тяжбы, съ которыми ему, въ качествѣ адвоката, приходилось имѣть дѣло, до того успѣли

опротивѣть ему, что онъ рѣшился оставить свое блестящее поприще и предаться, съ однимъ вѣрнымъ и единомышленнымъ съ нимъ слугою, уединенію. Нашедши въ густой чащѣ лѣса пещеру, онъ поселился въ ней, при чемъ протекавшій подлѣ потокъ служилъ ему для утоленія жажды, а попадавшаяся лѣсная дичь—для удовлетворенія голода. Здѣсь, вдали отъ городского шума и мірскихъ заботъ, онъ могъ жить, какъ того хотѣла его благочестивая душа. Поселившіеся въ окрестныхъ горахъ отшельники нашли въ немъ добраго и услужливаго товарища, такъ какъ его рука, искусная во всякомъ охотничьемъ дѣлѣ, неразъ доставляла имъ необходимое для ихъ стола. Такъ просто, неприхотливо и безобидно для всѣхъ продолжалъ онъ уже пятый годъ жить въ своемъ лѣсномъ уединеніи, какъ вдругъ въ одинъ день его находятъ мертвымъ въ той самой рѣкѣ, у которой онъ исполнялъ добровольную свою службу для братіи. Здоровымъ, какъ всегда, рано утромъ вышелъ онъ изъ своей пещеры, а вечеромъ уже лежалъ въ ней мертвымъ. Хотя до города, въ которомъ жила мать Навкратія, было цѣлыхъ три дня пути, однакожь вѣстникъ скоро постучался въ ея двери; неожиданное извѣстіе, которое онъ привезъ, разомъ упало на ея неподготовленную душу. — Не разъ уже подобное несчастье обрушивалось на ея голову, но она еще никогда не падала духомъ и оставалась несокрушимой какъ скала. Умеръ женихъ Макрины, — она стойко перенесла это испытаніе Божіе. Умеръ и нѣжно любимый ею супругъ ея, она и тутъ, благодаря силѣ вѣры своей, не надломилась. Навкратій былъ всегда ея любимцемъ; она разсталась съ нимъ въ самую цвѣтущую пору его жизни, когда могучія его силы не успѣли еще вполнѣ и развернуться; она не могла иначе и представить его себѣ, какъ только олицетвореніемъ жизни самой полной и здоровой, -- и вдругъ, вмѣсто этого, она видитъ предъ собою одинъ бездыханный трупъ! У ней не хватило уже силъ перенести столь неожидан-

ный и тяжелый ударъ,—подъ тяжестію его она совсѣмъ упала духомъ и, сдѣлавшись бездыханною и безгласною, лежала, пораженная недобрымъ извѣстіемъ, какъ какой-нибудь мужественный боецъ нечаяннымъ ударомъ. А Макрина? Она и на этотъ разъ осталась выше тѣхъ злополучныхъ событій, подъ которыми готовы упасть другія, по видимому, не столь сильныя натуры, — она по прежнему стояла прямо. Противопоставивъ печали размышленіе, она чрезъ это самое поставила себя выше своей природы, и тѣмъ не только предохранила себя отъ свойственной женщинѣ въ подобныхъ случаяхъ слабости, но стала еще опорю для обезсиленной матери своей, такъ какъ своими разсужденіями она помогла ей прогнать печаль, которая ее терзала, и въ своемъ поведеніи показала ей примѣръ непоколебимаго мужества, твердости и терпѣнія.

Событіе, происшедшее съ Навкратіемъ, было послѣднимъ въ ряду тѣхъ испытаній, посредствомъ которыхъ всеблагая премудрость Божія хотѣла воспитать и приготовить для неба двухъ достойныхъ того лицъ, т. е., Макрину и Василія. Давно уже зародившееся въ ихъ душахъ намѣреніе теперь окончательно созрѣло, и должно было перейти въ дѣло. Отца у нихъ не было, мать—вся въ сѣдинахъ, остальные братья и сестры всѣ пристроены. Съ міромъ давно уже не было у нихъ никакихъ счетовъ; теперь же и послѣднія ихъ связи съ нимъ порвались. При такихъ обстоятельствахъ ничего нѣтъ достойнѣе человѣка, какъ желать принадлежать всецѣло только Богу, обречь себя на жизнь подвиговъ и лишеній, въ уединеніи, среди пустыни.

Василій, тронутый, какъ мы знаемъ, словами сестры, раздалъ все свое состояніе бѣднымъ, и самъ направился въ ту сторону, гдѣ лежало небольшое помѣстье его бабушки — селеніе Аннесы, въ которомъ онъ провелъ первые годы своей жизни. Это было въ Понтійской области, близъ города Неокесаріи. Немного позднеѣ за нимъ по-

слѣдовалъ туда, хотя впрочемъ только послѣ усиленныхъ просьбъ, и другъ его, Григорій Назіанзинъ. Въ означенномъ мѣстѣ Василій нашель все, чего онъ искалъ. Онъ самъ писалъ объ этомъ другу своему: «Богъ далъ мнѣ жилище по сердцу, такое, о какомъ мы мечтали иѣкогда на свободѣ». Это была высокая гора, покрытая густымъ лѣсомъ; внизу ея—прекрасная долина, обильная ручьями и огражденная со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, какбы стѣною; изъ лѣса стремительно низвергается, въ видѣ никогда немолкаемаго водопада, серебристая рѣка Ирисъ и прихотливо извивается между зеленѣющими лужайками, а вверху надъ всѣмъ этимъ—вѣчно голубое и мягкое небо. Одаренное всѣми богатствами природы, прекраснымъ и здоровымъ климатомъ, живописными и пріятными для глазъ видами, это мѣсто, казалось, мало пострадало отъ того проклятія, которое легло на землю вслѣдствіе перваго грѣха человѣка. Въ этомъ, сколько прекрасномъ, столько же и уединенномъ, мѣстѣ, на вершинѣ горы, Василій построилъ небольшую обитель и началъ вести жизнь, посвященную молитвѣ, ученію и трудамъ. Не вдали же отъ него, только на противоположномъ берегу Ириса, еще раньше основали монастырь и поселились въ немъ Эммелія, Макрина и слуги ихъ дома. Послѣдніе, давно уже посвященные въ жизнь семьи съ ея радостями и печальми, давно уже носившіе въ себѣ духъ Христовъ, не были отпущены, или, какъ это часто бывасть въ подобныхъ случаяхъ, брошены на произволъ судьбы, чтобы терпѣть нужду и всякія житейскія невзгоды, а остались, въ качествѣ товарищей, раздѣлять новый образъ жизни своихъ господъ. При этомъ мать и дочь отказались отъ всякихъ земныхъ почестей и отличій, и подчинились наравнѣ съ другими однимъ и тѣмъ же правиламъ. Для всѣхъ членовъ этой маленькой общины былъ одинаковый столъ, одинаковое ложе, одинаковыя хозяйственныя работы, одинаковый строй жизни, точно также какъ у всѣхъ была

одна и таже вѣра, одна и таже любовь, одни и тѣже стремленія, одна и таже цѣль жизни. Дополнялось все это общимъ чтеніемъ, общею молитвою и общимъ пѣніемъ.

Это была жизнь, которой, къ сожалѣнію, міръ не въ состояніи понять и оцѣнить. Для человѣка, отдавнагося всецѣло мірскимъ дѣламъ, духовныя вещи, высшія стремленія человѣческаго духа всегда будутъ казаться непонятными, неразумными. Такой человѣкъ жизнь, которую мы описали и которая бьетъ, такъ сказать, полнымъ ключемъ, сочтетъ противною природѣ, ведущею къ смерти. Но тотъ, кто проникнуть духомъ Христовымъ, кто знаетъ силу благодати Божіей, съ благоговѣніемъ преклонится предъ святостию и величіемъ подвиговъ, подобныхъ описаннымъ нами, и увидитъ въ нихъ торжество духа человѣческаго надъ всѣми тѣми оковами, которыя такъ опутываютъ и гнетутъ его въ этомъ мірѣ и препятствуютъ его полету въ небесное его отечество. Самъ Григорій нисскій, въ своемъ жизнеописаніи Макрины, говоритъ объ этомъ времени, что это была жизнь, отрѣшенная отъ всякой житейской суеты и направленная къ подражанію жизни ангельской... Тутъ не видно было ни гнѣва, ни зависти, ни ненависти, ни высокоумія, ни другого чего-либо подобнаго. Желаніе суетныхъ предметовъ, какъ-то: чести, славы, превосходства надъ другими и всего прочаго въ этомъ родѣ—было изгнано изъ ихъ общества; удовольствіемъ же для нихъ служило воздержаніе, славою—быть въ неизвѣстности, богатствомъ—нищета и отрѣшеніе отъ всякаго вещественнаго богатства. Единственною заботою у нихъ были богоугодныя дѣла, непрестанная молитва, постоянное псалмопѣніе». ¹ Григорій Назіанзинъ, который, какъ мы уже знаемъ, жилъ нѣкоторое время въ пустыни Василія и принималъ участіе въ его жизни, позднѣе, когда онъ находился уже на верху славы, такъ вы-

¹ Жизни преп. Макрины. Твор. св. Отцевъ. 1872 года, кн. 3; стр. 341.

ражался объ этой жизни: «Кто вернетъ мнѣ тѣ давно-прошедшіе дни, когда я съ тобою»,—онъ разумѣетъ Василія, — «роскошествовалъ въ лишеніяхъ? Кто опять дастъ мнѣ тѣ хвалебныя пѣсни и ночныя бодрствованія, въ которыхъ мы проводили время? Кто возвратитъ мнѣ миръ и единеніе братій, изученіе божественныхъ писаній и тотъ свѣтъ, который мы обрѣтали въ нихъ? Кто возвратитъ мнѣ также ежедневныя занятія наши: ломаніе камней, насажденіе и поливаніе деревьевъ? Кто дастъ мнѣ всю эту жизнь, какбы невещественную и безплотную?

Какъ въ горной пустыни Василія, такъ и въ монастырѣ Макрины, была одна жизнь, проникнутая однимъ и тѣмъ же духомъ. Нерѣдко впрочемъ Василій и Григорій посѣщали монастырь Аннесы (такъ назывался монастырь, основанный Эммеліей и Макриной), и тогда здѣсь пѣніе псалмовъ и святыхъ бесѣды продолжались часто до глубокой ночи, а звѣзды Божіи съ чистаго неба ясно и спокойно смотрѣли на поющихъ и молящихся.

Такую-то высокою духовною жизнь проводили въ то время благочестивые отшельники на берегахъ Ириса, среди высоко подымавшихся горъ, которыя окружали эту пріятную долину какбы природною стѣною, и тѣмъ защищали ее отъ всякаго мірскаго шума. Но такая жизнь возможна только тамъ, гдѣ отъ міра ничего болѣе не требуютъ, да и не желаютъ требовать. Душа при этомъ становится спокойною и ясною. Всѣ суетныя влеченія, всякіе порывы страстей замолкаютъ, или даже совсѣмъ замираютъ въ самомъ своемъ корнѣ. Всякое нестроеніе и разладъ въ душѣ исчезаютъ и замѣняются полною гармоніею. Въ душѣ не остается ничего, что не посмѣло бы выйти на свѣтъ Божій, предстать предъ очи Господни. Базаръ житейской суеты отодвигается при этомъ такъ далеко, что ниодинъ, даже самый малѣйшій, звукъ не долетаетъ отъ него. Ни-

¹ Твор. св. Григорія Богослова, 1848 г. ч. 6. стр. 103.

какія заботы не угнетаютъ болѣе сердца, которому и нечего больше желать отъ этого міра. Человѣкъ начинаетъ дышать свободно и легко, чистымъ, небеснымъ воздухомъ. Душа его, исцѣлѣвшая отъ всѣхъ своихъ язвъ, освободилась вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всѣхъ, стѣснявшихъ ее оковъ, и онъ изъ чада гнѣва становится чадомъ Божиимъ.

Здѣсь мы остановимся на минуту и спросимъ себя: неужели та духовная жизнь, которая такъ широко процвѣтала въ обителяхъ Василия и Макарины, не возможна нигдѣ больше, какъ только въ долинахъ, подобныхъ долинѣ между высокими горами Ириса, или въ неменѣе высокихъ стѣнахъ какого-либо монастыря? Неужели для тѣхъ изъ нашихъ читателей и читательницъ, которые пожелали бы сами достигнуть такой же степени нравственнаго совершенства, какой достигли мирные обитатели Аннесы, нѣтъ другого средства, какъ только исполнѣ отрѣшиться отъ этого міра и заключиться въ какомъ либо монастырѣ? Нѣтъ! Жизнь въ чисто евангельскомъ духѣ, — жизнь не мѣлѣе высокая, чѣмъ и жизнь въ долинѣ Ириса, — возможна въ каждомъ домѣ, въ каждой хижинѣ. Можно быть и въ мірѣ, но въ тоже время и не быть отъ міра сего. Когда кто, состоя на службѣ, или въ услуженіи даже самаго низшаго рода, будетъ выполнять каждое свое дѣло, какъ бы мелочно и незначительно оно, по видимому, ни было, добросовѣстно, старательно и честно, когда кто, охотно исполняя всякій, возложенный на него, долгъ, будетъ при этомъ непрестанно помнить о Богѣ и стараться жить по Его святымъ заповѣдямъ, — то это и будетъ жизнь исполнѣ угодная Богу и спасительная для человѣка, хотя она и не протекаетъ въ стѣнахъ монастыря. Въ этомъ случаѣ, человѣкъ какъ бы въ самомъ себѣ устроитъ монастырь, когда воспламенившаяся въ сокровеннѣйшей глубинѣ его сердца любовь къ Господу продолжаетъ горѣть подобно неугасимой свѣчѣ, когда на стражѣ его нравственной чистоты становится воля сильная и несобрушимая подобно

стѣнамъ монастырскимъ, и когда наконецъ, по подобію тѣхъ пріятныхъ и благоухающихъ садовъ, которые обыкновенно имѣются при монастыряхъ, въ его душѣ будутъ благоухать: смиреніе, состраданіе къ несчастнымъ, благотворительность къ немущимъ и живая любовь ко всѣмъ ближнимъ.

Въ обители Эммелии и Макрины эти духовные цвѣты не оставались безъ благоуханія. Для всѣхъ страждущихъ и немущихъ въ окрестностяхъ монастыря Макрина служила неисчерпаемымъ источникомъ всякаго рода помощи и утѣшенія, такъ что во время голода, посѣтившаго однажды окрестности Аннессы, пустынь ея, отъ множества приходившихъ за помощію, стала казаться городомъ. Такъ впрочемъ дѣлалось еще въ домѣ отца ея въ Кесаріи; никому изъ просящихъ никогда ни въ чемъ не отказывали; благотворительность лилась широкою рѣкой.

Мать Макрины была въ это время очень стара и слаба. Тѣло ея, подобно скудельному сосуду, бывшему долгое время въ употребленіи, сдѣлалось дряхлымъ и отказывалось служить душѣ. Эммелии предстоялъ близкій конецъ. Предчувствуя это, она подобно патріарху Іакову собрала вокругъ своего ложа жившихъ съ нею дѣтей своихъ, благословила ихъ, а также и отсутствующихъ, и почила о Господѣ. «Тебѣ, Господи, посвящаю ихъ!» были послѣднія благословляющія слова ея. Согласно ея желанію, ее погребли въ одной могилѣ съ ея мужемъ.

Макрина осталась совершенно одна. Василій, старшій братъ ея, давно уже былъ епископомъ въ Кесаріи; младшаго брата своего Григорія она также давно не видала. Она была болѣе или менѣе потрясена послѣдними несчастными событіями, но все еще твердо стояла, такъ что смогла перенести и новое горе, постигшее ее, смерть Василія великаго.

Жизнь св. Василія великаго была исполнена непрерывнаго труда и борьбы; по этому онъ, какъ воинъ Христовъ,

преждевременно пришелъ въ изнеможеніе. Какъ самъ онъ смотрѣлъ на свою смерть, это лучше всего можно видѣть изъ тѣхъ словъ его, съ которыми онъ обратился (въ 372 г.) къ императорскому префекту Модесту послѣ того, какъ послѣдній сталъ угрожать ему немилостію и изгнаніемъ за его мужественную защиту православія противъ еретиковъ. «Какъ ты смѣешь быть столь дерзкимъ», повелительно говорилъ ему префектъ, — «что осмѣливаешься имѣть другую вѣру, а не ту, которую содержитъ императоръ! Развѣ ты не знаешь, что у императора есть средство заставить исполнять свои повелѣнія: это—отнятіе имущества, изгнаніе, смерть?»—«Больше ничего?» возразилъ св. Василій великій, и затѣмъ продолжалъ: «если можешь, угрожай чѣмъ-нибудь другимъ, а изъ того, на что ты указалъ, ничто не можетъ коснуться меня. Изгнанія я не боюсь, потому что вся земля Господня. Имущество не можетъ быть отнято у того, кто совсѣмъ его не имѣетъ. Смерть же для меня будетъ благодѣніемъ, такъ какъ она скорѣе приведетъ меня къ Богу, для котораго я живу и тружусь, и къ которому я давно уже спѣшу». ¹

Но часъ смерти наконецъ насталъ для св. Василия. Окруженный многочисленными жителями Кесаріи, глубоко оплакиваемый всѣми, и самъ въ свою очередь расточая всѣмъ утѣшенія и увѣщанія, онъ мирно разстался съ этимъ міромъ въ 379 г. Послѣднія его слова были: «*въ руку Твою предаю духъ мой*» (Псал. 30, 6). Похороны св. Василия великаго были самые торжественные. Кто могъ только приблизиться къ носилкамъ усопшаго, считалъ себя уже счастливымъ; а кому удавалось прикоснуться къ краю его мантии, тотъ вспоминалъ объ этомъ всю жизнь.

Такимъ образомъ Макрина лишилась и другаго брата. Хотя у ней оставался еще въ живыхъ третій братъ, Григорій, давно уже сдѣлавшійся епископомъ нисскимъ, но

¹ Твор. св. Григорія Нисскаго, т. 43, стр. 104—105, ч. 6.

со смертію Василія и онъ какбы пересталъ существовать для нея. Впрочемъ, спустя девять мѣсяцевъ послѣ смерти Василія, Григорій, на возвратномъ пути съ Антиохійскаго собора, посѣтилъ сестру. Около восьми лѣтъ она уже не видала его

Макрина въ это время была очень больна. Она лежала на своемъ ложѣ, впрочемъ не на какой-либо кровати или постелѣ, а на землѣ, — на доскѣ, покрытой власяницей; другая доска, положенная только наискось, служила ей вмѣсто подушки, для поддержанія головы на нѣкоторомъ возвышеніи. При видѣ горячо любимаго и долго отсутствовавшаго брата, она немного приподнялась и произнесла слѣдующую молитву: «Благодарю Тебя, Отче, что Ты такъ милостиво даровалъ мнѣ то, чего желала душа моя, пославъ служителя Твоего для посѣщенія рабы Твоей».

Видя брата своего преисполненнымъ радостію, Макрина невольно спросила себя: имѣетъ ли она право омрачать какимъ бы то ни было образомъ эту первую радость ихъ свиданія? И вотъ, чтобы не опечалить брата, она рѣшилась скрыть отъ него всю опасность своего положенія, и, не смотря на то, что только съ большимъ трудомъ могла дышать, она старалась дать себѣ веселый видъ, старалась говорить какъ можно оживленнѣе.

Вскорѣ рѣчь зашла о смерти Василія. При живости и впечатлительности своей натуры, Григорій не могъ справиться съ своими чувствами, и потокъ слезъ хлынулъ изъ его глазъ. Макрина, всегда спокойная и сдержанная, осталась и на этотъ разъ тѣмъ же, чѣмъ была прежде. Она быстро дала разговоръ другое болѣе свѣтлое направленіе, перейдя отъ мрачныхъ мыслей о смерти къ тѣмъ свѣтлымъ надеждамъ за гробомъ, какія даются христіанскою вѣрой. Не смотря на то, что жестокая болѣзнь отняла у ней всю ея силу и быстро вела ее къ смерти, она, какбы вдохновенная свыше, излагала свои мысли ясно и послѣдовательно, и рѣчь ея текла съ такою же

легкостію, съ какою течетъ вода изъ какого-нибудь источника, когда встрѣчаетъ предъ собою покатую поверхность. — Отъ ея возвышенныхъ рѣчей Григорію стало легче на сердцѣ; духъ его просвѣтлѣлъ; онъ чувствовалъ себя перенесеннымъ какбы на небо. Онъ пришелъ утѣшать, и вмѣсто этого самъ былъ утѣшенъ, утѣшенъ былъ женщиною, которая притомъ уже на половину была снѣдена огнемъ лихорадочнымъ.

Григорій готовъ былъ долго еще слушать разсужденія своей сестры, но она сама предложила ему успокоиться и отдохнуть послѣ дальняго и утомительнаго путешествія. Исполняя ея волю, онъ отправился въ монастырскій садъ. Мѣстоположеніе сада было самое пріятное; вся природа вокругъ него цвѣла и наслаждалась миромъ и покоемъ; не смотря на это, онъ не могъ найти здѣсь желаемаго покоя и отдыха. Душа его исполнена была горькимъ предчувствіемъ. Когда такимъ образомъ сердце Григорія было совершенно подавлено печалію, Макрина, какбы угадывая состояніе его духа, прислала извѣстить о себѣ, что ей стало легче, и чтобы не теряли доброй о ней надежды. Но надежду надобно было имѣть не на возстановленіе ея здоровья, а на полученіе побѣднаго за ея подвиги вѣнца въ будущей жизни; точно также и легкость, которую она почувствовала, была лишь тою легкостію, съ которою отрѣшающаяся отъ тѣла душа начинаетъ расправлять свои крылья, чтобы летѣть въ небесное отечество.

Когда Григорій вторично пришелъ къ своей сестрѣ, она стала, какбы по книгѣ, разсказывать ему все, что только припоминала о своихъ родителяхъ, о своемъ дѣтствѣ, о счастливыхъ и несчастныхъ событіяхъ своей жизни. Обо всемъ этомъ она говорила связно, точно и иногда весьма обстоятельно. Наконецъ рѣчь ея перешла въ благодарность къ Богу за всѣ тѣ блага, которыя она удостоилась получить отъ Него. — Замѣтивъ скорбь окружающіхъ ее, она пыгалась утѣшать ихъ своими мудрыми сло-

вами, при чемъ удивляла всѣхъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Святому Григорію нисекому казалось при этомъ, что такъ относиться къ предстоящей смерти, какъ относилась Макрина, то есть, не только не чувствовать никакого страха, но до послѣдней минуты возвышенно разсуждать о настоящей жизни, свойственно не человѣку, а Ангелу, временно принявшему на себя человѣческой образъ.

Слѣдующій день былъ уже послѣднимъ днемъ въ жизни Макрины и весь посвященъ былъ молитвѣ, хваленію и благодаренію своего Создателя. Она оставалась въ полномъ сознаніи до самаго конца. Съ наступленіемъ вечера она перестала говорить съ окружающими ее лицами, продолжая лишь бесѣду съ своимъ Спасителемъ. Послѣдними ея словами, по свидѣтельству св. Григорія, была слѣдующая молитва:

«Благодарю Тебя, Боже, что Ты отнялъ отъ меня всякій страхъ смерти и даровалъ мнѣ, чтобы конецъ этой жизни послужилъ началомъ другой истинной жизни. По Твоему велѣнію, тѣла наши въ извѣстное время отходятъ почить, и Ты же опять пробудишь ихъ при звукѣ послѣдней трубы. Землю, которую Ты своими руками преобразилъ въ наше тѣло, Ты опять возвращаешь землѣ съ тѣмъ, чтобы данное ей опять взять у ней, и изъ тѣлѣннаго и безславнаго преобразить его въ бессмертное и славное.

«Ты освободилъ насъ отъ проклятія и грѣха тѣмъ, что принялъ на Себя и то и другое. Ты сокрушилъ главу змія, поправилъ державу ада, побѣдилъ того, у кого была власть надъ смертію, и открылъ путь ко спасенію.—Боже вѣчный, которому я отдалась съ самаго моего рожденія, котораго я возлюбила всею силою моей души, которому и душу и тѣло посвятила отъ юности и до нынѣ! Пошли мнѣ свѣтлаго Ангела, который привелъ бы меня къ мѣсту упокоенія, на лоно святыхъ отцевъ! Ты, который упразднилъ пламенный мечъ, охранявшій двери райскія и, по Твоему милосердію, людей, распявшихъ Тебѣ, спасаешь

и вводишь въ рай, — вспомни также и обо мнѣ во царствіи Твоемъ! Я также распялась Тебѣ! Пусть ничто не отдѣляетъ меня отъ Твоихъ избранныхъ; пусть врагъ не задерживаетъ меня на пути; пусть мои грѣхи не посмѣютъ открыться предъ Твоими глазами!

«Ты, который имѣешь власть на землѣ прощать грѣхи, прости ихъ и мнѣ, чтобы мнѣ обрѣсти прохладу и явиться предъ Тобою неизмѣющею скверны, и чтобы духъ мой чистымъ и непорочнымъ, подобно кадилу предъ Тобою, воспринять былъ въ Твои руки!»

Произнося эту молитву, Макрина въ то же время возлагала крестное знаменіе на глаза, уста и сердце.—Но все тише и тише становилась ея рѣчь.... Языкъ, иссохшій отъ внутренняго жара, не могъ уже произносить словъ, и голосъ ослабѣлъ: тогда умирающая продолжала молиться въ душѣ своей, что можно было замѣтить по движенію ея губъ и рукъ, по блеску ея глазъ. Съ наступленіемъ вечера, когда внесень былъ въ комнату свѣтильникъ, Макрина употребляла еще усиліе произнести вечернее благодареніе Богу, но, за недостаткомъ голоса, мысль и чувство ея выразились однимъ лишь слабымъ движеніемъ устъ и рукъ. Затѣмъ, по совершеніи этой молитвы, поднявъ руку къ лицу, чтобы осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, она испустила послѣдній протяжный вздохъ,—и пламя сознанія угасло въ ней. Она почилла. Братъ закрылъ ей глаза, согласно съ ея завѣщаніемъ.

Какъ только о смерти Макрины сдѣлалось извѣстнымъ въ монастырѣ, рыданіямъ и слезамъ дѣвъ не было конца. И неудивительно: бывшія подъ ея руководствомъ дѣвственницы оплакивали въ настоящемъ случаѣ не лишеніе какого-либо плотскаго попеченія о себѣ, или другое что-нибудь подобное, что люди съ трудомъ переносятъ, а оплакивали въ ней лишеніе какбы самой надежды на спасеніе свое. Вотъ что онѣ говорили, рыдая: «угасъ свѣтильникъ, руководившій души наши; уничтожилась опора жизни

нашей; сокрушилась твердыня слабыхъ; взято отъ насъ врачеваніе немощныхъ; съ тобою у насъ и ночь, освѣщаема чистотою твоей жизни была днемъ; теперь же и день обратится въ тьму!» Особенно сильно плакали тѣ, которыхъ называли ее матерью своею и кормилицею, и которыхъ Макрина, взявши во время голода съ распутиѣ, гдѣ онѣ брошены были на произволъ судьбы, вскормила и воспитала въ своей обители.

Послѣ того какъ изъ жилища почившей удалились всѣ посторонніе, св. Григорій обратился къ одной изъ старшихъ дѣвственницъ съ вопросомъ: «нѣтъ ли между оставшимися послѣ сестры вещами чего нибудь такого, что могло бы послужить къ украшенію ея бездыханнаго тѣла?» Та отвѣчала: «Украшеніе, о которомъ заботилась святая, была чистая жизнь; это было убранство ея и во время жизни и останется одѣяніемъ ея по смерти. Что же касается тѣлесныхъ украшеній, то она ни во время жизни не употребляла ихъ, ни для настоящаго случая не готовила. Все оставшееся отъ нея передъ глазами: вотъ ея мантия, вотъ головной покровъ, вотъ истершіяся сандали; никакихъ другихъ сокровищъ она не оставила».

Погребеніе Макрины совершено было на слѣдующій день при стеченіи большого множества народа. Мѣстомъ погребенія назначено селеніе Аннесы, отстоявшее отъ обители почти на полторы версты. Здѣсь почивали уже тѣла ея родителей; здѣсь же, рядомъ съ тѣломъ матери, Эммеліи, положено было тѣло и дочери ея Макрины.

Теперь на минуту возвратимся къ началу нашего разсказа. Если первообразомъ истинной женской красоты и величія служить, какъ мы говорили, пресвятая Матерь Господа нашего—Дѣва Марія, то высшимъ и чистѣйшимъ отображеніемъ этого первообраза въ исторіи Церкви служить, безъ сомнѣнія, каппадокійская дѣва Макрина. Бываютъ картины и образы настолько величествен-

ные и совершенные въ своемъ родѣ, что у зрителя, умѣющаго войти въ смыслъ и величіе ихъ, отъ удивленія или восторга, иѣмѣетъ языкъ, и только слеза, выкатившаяся при этомъ изъ его глазъ, можетъ дать понятіе о томъ, что происходитъ въ его душѣ. Тоже самое представляетъ намъ и Макрина. Мы невольно останавливаемся передъ этимъ величественнымъ образомъ, и въ то время, какъ мы сами готовы преклониться предъ нимъ, — въ нашихъ глазахъ наворачиваются слезы, какъ невольная дань благодарности Тому, по чьей благодати возсіялъ этотъ образъ.

Но не благодарить только Господа мы должны, — мы должны также непрестанно просить Его, чтобы тотъ мощный духъ, которымъ, по Его милости, проникнуто было все существо Макрины и вся ея дѣятельность, Онъ вдохнулъ, подобно творческому дыханію жизни, въ сердца нашихъ женъ и дѣвицъ. Сколько добраго и истинно прекраснаго могло бы быть тогда совершенно нашими женщинами! Четырнадцать столѣтій уже прошло съ того времени, когда Макрина примѣромъ собственной жизни показала, чѣмъ можетъ и должна быть женщина въ христіанской семьѣ, а достигли ли мы съ тѣхъ поръ сколько-нибудь блестящихъ успѣховъ въ развитіи истинно-христіанской женственности въ нашихъ семьяхъ? О, съ какимъ стыдомъ мы должны опустить при этомъ глаза свои!

Св. Іоаннъ Златоустъ сказалъ однажды, что и одинъ истинно святой человѣкъ, коль скоро онъ воспламенится ревностію по Богѣ, въ состояніи спасти цѣлый народъ. — Спрашиваемъ теперь всѣхъ: долженъ ли быть такимъ человѣкомъ неизрѣнно мужчина? Примѣръ орлеанской дѣвы Жанны д'Аркъ, спасшей въ 15 столѣтіи Францію отъ руки враговъ, служить уже яснымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Но, кромѣ внѣшнихъ враговъ, у человѣческихъ обществъ бывають еще враги внутренніе, — враги тѣмъ болѣе опасные, чѣмъ меньше на нихъ почему-либо обращаютъ вниманія и чѣмъ медленнѣе и постояннѣе ихъ дѣятельность.

Кто не согласится признать такихъ враговъ, на примѣръ въ невѣжествѣ, невѣріи, нравственной распущенности, пьянствѣ, страсти къ азартнымъ играмъ, и т. п.? Всѣ такіе и подобные имъ враги человѣческихъ обществъ, если только они не встрѣчаютъ себѣ отпора и противодѣйствія со стороны самихъ же обществъ, обыкновенно угрожаютъ паденіемъ послѣднимъ. Примѣръ современной Франціи, въ которой въ послѣднія десятилѣтія, подъ управленіемъ Наполеона III, разшатаны были всѣ нравственныя основы человѣческаго общества и повсюду царило легкомысленное отношеніе къ жизни, и которая за это поплатилась въ 1870 году сперва опустошеніемъ всей страны отъ рукъ непріятеля, а затѣмъ, разгромомъ своей столицы, со всѣми ужасами владычества коммуны, можетъ служить тому подтвержденіемъ. Противъ такихъ-то враговъ, незамѣтно развѣдающихъ человѣческія общества и медленно ведущихъ ихъ къ паденію, бессильна всякая внѣшняя борьба, всякое вещественное оружіе; съ ними можно бороться и побѣждать ихъ только силою разумной мысли, силою живаго примѣра.

Кто же теперь на этомъ пути можетъ болѣе успѣшно дѣйствовать — мужчина или женщина? Конечно, мужчины, въ силу одного уже превосходства своего предъ женщинами въ умственномъ развитіи, должны приносить и приносить большую пользу обществу въ дѣлѣ нравственнаго его перерожденія; но польза эта всегда будетъ ниже той, какую могли бы принести въ этомъ отношеніи женщины. Извѣстно, что всякое нравственное вліяніе бываетъ тѣмъ успѣшнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ болѣе воспріимчивости и впечатлительности въ тѣхъ, на кого вліяютъ. Въ этомъ отношеніи дѣтскій возрастъ, и именно самый первый дѣтскій возрастъ, ничѣмъ не замѣнимъ. Душа ребенка въ это время чиста; его мысль, чувство и желаніе только еще начинаютъ пробуждаться къ жизни, и отъ окружающихъ зависитъ направить ихъ въ хорошую

или дурную сторону. Но въ этотъ-то, столь важный въ воспитательномъ отношеніи, возрастъ, дѣти, по самому естественному порядку вещей, всецѣло принадлежатъ матери. Получая отъ нея первую свою пищу, они отъ нея же заимствуютъ и первыя свои понятія о вещахъ, отъ нея научаются любить то или другое, желать того или другого. Это первоначальное материнское вліяніе на дѣтей, — вліяніе большею частію незамѣтное и даже часто непредназначенное со стороны матери, — вслѣдствіе того, что оно вліяніе всеобъемлющее, т. е., касающееся всѣхъ сторонъ духовнаго существа ребенка, кладетъ основы для всего послѣдующаго духовно-нравственнаго характера человѣка, и основы эти бываютъ такъ крѣпки, что напримѣръ исправленіе характера въ болѣе зрѣломъ возрастѣ можетъ быть произведено только съ большими и самыми настойчивыми усиліями со стороны самого исправляемаго. Что же касается затѣмъ нравственнаго вліянія на дѣтей мужчинъ, то оно, начинаясь большею частію только съ того времени, когда ребенокъ изъ рукъ матери поступаетъ на попеченіе учителя, или же въ школу, уже по этому самому не можетъ быть ни всеобъемлющимъ, такъ какъ учителю и вообще школь большею частію приходится ограничиваться сообщеніемъ ребенку однихъ лишь знаній, ни вполнѣ успешнымъ, такъ какъ при всемъ даже желаніи одновременно съ умственнымъ образованіемъ ребенка дѣйствовать и на правильное нравственное его воспитаніе, послѣднее всегда будетъ подвигаться болѣе или менѣе туго, если ребенокъ уже раньше, въ первые годы своего дѣтства, успѣлъ усвоить себѣ массу привычекъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя теперь стараются ему привить. Не говоримъ уже о томъ, что для успѣха воспитательнаго вліянія на дѣтей при подобныхъ обстоятельствахъ, т. е., когда требуется, такъ сказать, пересозидать нравственное существо ребенка, со стороны воспитателей всегда нуженъ большой запасъ умѣнья, опытности и постоянной

бдительности; а многие ли, даже изъ самыхъ образованныхъ и преданныхъ дѣлу мужчинъ, могутъ похвалиться этимъ?

Послѣ всего сказаннаго нами, мы уже не колеблясь можемъ утверждать, что успѣшная борьба съ тѣми внутренними врагами, о которыхъ мы говорили, успѣшный отпоръ всѣмъ вреднымъ началамъ и ученіямъ, которыя въ какомъ бы то ни было видѣ стараются проникнуть въ общество. успѣшное наконецъ въ большей или меньшей степени пересозданіе, или что то же, спасеніе дѣлаго общества, можетъ быть произведено только въ нѣдрахъ семьи, правильно устроенной, и произведено притомъ только женщиною-матерью. Исторія семейства, къ которому принадлежала Макрина, служитъ нагляднымъ подтвержденіемъ нашего убѣжденія. Но эта самая исторія ясно также, съ другой стороны, показываетъ, что женщина-мать тогда только успѣшно выполнить просвѣтительное и зиждительное свое призваніе въ человѣческомъ обществѣ, когда она сама предварительно въ умственномъ и, особенно, въ нравственномъ отношеніи будетъ настолько просвѣщена и развита, что, обладая яснымъ и правильнымъ пониманіемъ дѣла, къ которой ей слѣдуетъ, путемъ воспитанія, вести свою семью, владѣла бы въ самой себѣ и тѣми средствами, которыя успѣшнѣе ведутъ къ этой цѣли. Самымъ же могучимъ средствомъ для достиженія цѣлей воспитанія служигъ, безъ сомнѣнія, *добрый примѣръ*. Всѣ тѣ прекрасныя и высокія качества, которыми такъ богато, какъ мы видѣли, были украшены Макрина и ея братья, развились въ нихъ прежде всего подъ вліяніемъ живаго примѣра ихъ родителей, которые не длинными какими-либо рассужденіями, а самымъ дѣломъ, истинно христіанскимъ поведеніемъ своимъ во всѣхъ какъ великихъ, такъ и самыхъ мелочныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ своей жизни, учили своихъ дѣтей любить все доброе и избѣгать всего дурнаго. Хорошій примѣръ, часто помимо всякихъ рассужденій дѣйствуетъ неотразимо на впечатлительную дѣтскую душу.

Вслѣдствіе такой именно важности примѣра въ воспитательномъ отношеніи, каждая женщина-мать и должна прежде всего и больше всего позаботиться, чтобы то всеобъемлющее вліяніе ея на дѣтей, о которомъ мы говорили выше, выражалось только въ такихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ ея къ ребенку, изъ которыхъ бы онъ могъ заимствовать только истинное, доброе и прекрасное, и въ которыхъ бы онъ могъ имѣть, такъ сказать, норму, образецъ для правильнаго установленія его собственныхъ отношеній къ другимъ людямъ. Но такое примѣрное отношеніе матери къ дѣтямъ не можетъ явиться у ней само собою, — оно можетъ быть только плодомъ болѣе или менѣе продолжительной и усиленной воспитательной работы ея надъ собою. Въ этомъ отношеніи каждая женщина, готовящаяся быть матерію, прежде чѣмъ она станетъ воспитывать своихъ дѣтей, должна заняться своимъ собственнымъ самовоспитаніемъ. Пусть каждая такая женщина глубоко проникнется сознаніемъ, что отъ такого или другого склада ея нравственной жизни, отъ такихъ или другихъ ея убѣжденій, отъ такихъ или другихъ ея привычекъ, наклонностей и вообще всего духовно-нравственнаго ея характера будутъ зависѣть въ большей или меньшей степени убѣжденія, привычки, наклонности и вообще весь нравственный характеръ ея дѣтей. Пусть затѣмъ, если ей нежелательно видѣть въ дѣтяхъ своихъ тѣ качества, которыя лишь служатъ для нихъ самихъ часто несчастіемъ, а для родителей ихъ — огорченіемъ, обратитъ испытующій взоръ на все свое духовно-нравственное существо, и спроситъ себя: нѣтъ ли въ немъ чего-либо такого, что могло бы послужить источникомъ, причиною или даже только поводомъ къ проявленію тѣхъ качествъ въ ея дѣтяхъ. И если самонаблюденіе поможетъ ей открыть въ себѣ такіе или другіе нравственные недостатки, то эти недостатки должны обратить на себя самое серьезное вниманіе съ ея стороны, должны возбудить въ ней, во имя будущаго блага ея дѣ-

тей, желаніе бороться съ ними, и побудить ее къ самой усиленной воспитательной работѣ надъ собою. Работа эта должна быть ведена хотя и постепенно, только мало по малу, но тѣмъ не менѣе непрерывно и со всею непреклонностію воли; постоянство и настойчивость — самыя необходимыя условія для достиженія успѣха въ этой борьбѣ.

Но одною этою борьбою еще не исчерпывается вся задача самовоспитанія будущей матери: столь естественное и присутствующее въ большей или меньшей степени каждой женщинѣ желаніе видѣть въ дѣтяхъ своихъ тѣ или другія хорошія качества должно побудить ее къ дѣятельности другаго рода—къ усвоенію и привитію желаемыхъ качествъ прежде всего самой себѣ, такъ какъ передать дѣтямъ она въ состояніи будетъ только то, что имѣетъ сама, и опять настолько, насколько усвоила что-нибудь сама. Только такое предварительное самовоспитаніе будущей матери можетъ дать ей отрадную надежду увидѣть въ дѣтяхъ своихъ утѣшеніе для себя, а не огорченіе! Только при такомъ серьезномъ отношеніи къ будущимъ своимъ обязанностямъ наши женщины въ состояніи будутъ съ успѣхомъ выполнить свое высокое призваніе воспитательницъ молодаго поколѣнія и вмѣстѣ пріобрѣсти себѣ высокую заслугу вліянія на нравственное обновленіе общества!

Напрягите же, женщины-матери, всѣ ваши усилія для достиженія этой святой цѣли! Вы можете быть увѣрены, что ваши труды скоро отзовутся самыми благодѣтельными послѣдствіями на вашихъ же собственныхъ дѣтяхъ: школьное ученіе не будетъ тогда казаться для нихъ такимъ труднымъ и безуспѣшнымъ, какъ теперь, когда они приступаютъ къ нему почти совсѣмъ неподготовленные вами ни въ умственномъ, ни особенно въ нравственномъ отношеніи. При встрѣчѣ, въ школахъ, или въ обществѣ, съ людьми недобрыми, враждебно относящимися къ тѣмъ или другимъ основамъ человѣческаго общества, и повсюду ищущими случая уловить неопытныхъ

въ свои сѣти, — дѣти ваши, въ которыхъ вы прочно насадили сѣмена истины и добра, не увлекутся ложными умствованіями этихъ людей; послѣдніе всегда будутъ находить въ нихъ большій или меньшій отпоръ своимъ пагубнымъ затѣямъ. При тяжелыхъ испытаніяхъ въ жизни, при тѣхъ или другихъ неудачахъ, дѣти ваши, воспитанныя вами въ вѣрѣ въ промыслъ Божій и въ надеждѣ на милосердіе Его, не стануть налагать на себя рукъ, лишать себя жизни, подобно немущимъ упованія ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ, но, нравственно вспоможенные и ободряемые вами, стануть лишь съ большимъ напряженіемъ силъ работать для духовнаго своего блага, не заботясь о земномъ издвоздаяніи. Если одни только эти благія послѣдствія будутъ достигнуты вами, то вы уже приобрѣтете право на всеобщую признательность и современниковъ и потомства.

Помните же, женщины-матери, свое высокое призваніе! Благодать Божія да поможетъ вамъ не только не забывать его, но, по возможности, и исполнять его на дѣлѣ, для духовнаго блага человѣчества.

Иванъ Полкановъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:
info@axion.org.ru